

Серг.	– ст-ца Сергиевская Даниловского района ВО.
Сир.	– ст-ца Сиротинская Иловлинского района ВО.
Стч.	– ст-ца Старочеркасская Аксайского района РО.
Т-остр.	– ст-ца Трехостровская Иловлинского района ВО.
Тбн.	– хут. Тубянский Верхнедонского района РО.
Урюп.	– г. Урюпинск, районцентр ВО.
У.-Хоп.	– ст-ца Усть-Хоперская Серафимовичского района ВО.
Фил.	– хут. Филин Кумылженского района ВО.
Чрк.	– хут. Черкесовский (Бударин) Новоаннинского района ВО.

Category of space and its reflection in the Don Cossack dialect

There is analyzed the reflection of the category of space in the Don Cossack dialect. The vocabulary of the Don dialects is shown through the classification based on the binary oppositions: near/far, in front/behind, right/left, up/down, known/unknown, own/another's, house/yard, inner/outer.

Key words: *space, Don Cossack dialect, binary oppositions, near, far, in front, behind, right, left, up, down, known, unknown, own, another's, house, yard, inner, outer.*

Н.В. ШЕСТЕРКИНА
(Саранск)

ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ 'СВЕТ / ИНОЙ МИР' (на материале русских фольклорных текстов)

На материале русских фразеосочетаний проводится концептуальный анализ номинации 'свет / иной мир', где отражаются как языческие, так и христианские мотивы.

Ключевые слова: *концептуальный анализ, язычество, христианство, этот свет, тот свет, причитания, паремии, рай, ад.*

Представления о потустороннем – неотъемлемый компонент «образа мира», лежащего в основе культуры той или иной эпохи. А.Я. Гуревич отмечает, что эти представления могут «разрастаться в необычайно бога-

тую картину – и могут быть “нулевыми”, когда небо пустеет и по ту сторону жизни находится небытие» [5, с. 176]. В любом случае оба мира – жизни и смерти – присутствуют в культурном сознании и определяют общественные черты данной культуры. Изучить отношение людей к смерти и их представления о загробном мире – значит приблизиться к пониманию важного аспекта их сознания. Моделируя царство умерших, живые населяли его своими чаяниями и кошмарами; в живописуемых их фантазией запредельных сценах и образах воплощались коллективные психические комплексы эпохи; сами того не осознавая, эти люди переносили в структуру мира иного идеи о времени и пространстве, о человеческой личности, о соотношении духа и материи, которые составляли неотъемлемые параметры их видения мира (Там же).

Целью данной статьи является концептуальный анализ номинации ‘свет 2’ в значении «загробное существование» в составе русских ФС, причитаний, пословиц и поговорок. В некоторых языках, например в немецком, номинация *Licht*, соответствующая номинации *свет*, не получила подобного развития. Русский метоним ‘свет 2’, *тот свет* означает: «у суеверных людей: загробное существование» [11, с. 572].

Чтобы уточнить концептуальную структуру номинации *свет* в данном аспекте, обратимся к ритуалам, связанным с захоронением предков. В них отразились остатки языческого мировоззрения на данное явление. Н.Н. Велецкая, изучавшая архаичные погребальные ритуалы, пишет: «Стойкой сохранности элементов культа предков в народном искусстве и обрядности <...> способствовало представление о взаимосвязанности земного и потустороннего миров, живых и обожествленных предков, зависимости благополучия потомков от потустороннего покровительства. Предков представляли себе обладающими тайнами связей с высшими силами <...> а через посредство их и силой воздействия на стихии природы» [2, с. 11]. Из сказок мы узнаем о представлениях язычников о путях в потусторонний мир, «о грани между земным и “вечным миром”, о способах преодоления ее и помощниках в долгом и трудном пути на “тот свет”» (Там же, с. 13). При обряде «сборов» «дорога» становится ключевым концептом, т. к. «именно с ее помощью разрешается основная коллизия обряда – разъединение сфер жизни и смерти» [10,

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

с. 4]. Многое для понимания представлений о существовании после смерти и связанных с ними архаических ритуалах дает фольклор: предания и легенды, заговоры, пословицы и поговорки, загадки, духовные стихи. Информация об этом есть в причитаниях (см., напр. [10]). В них отчетливо отразилось представление, что со смертью существование не кончается, а приобретает другое, никому не известные формы. Образ «иногое живленьица» (загробной жизни) принадлежит к устойчивым формулам похоронной причети: *Улетела моя белая лебедушка /на иноое безвестное живленьице!* (цит. по: [2, с. 19–20]).

Представление о неведомой стране, в которую ведет долгая и трудная дорога, – характернейший мотив сюжета о загробных странствиях в мифологиях разных народов. Основная характеристика дороги в погребальном фольклоре – ее однонаправленность от центра, безвозвратность и растворение в неопределенности «того света». У славян, как и у многих народов, нет отчетливо ясного и единообразного представления относительно места расположения потустороннего мира и путей на «тот свет». Из разрозненных и сбивчивых воззрений, которыми располагают исследователи, выделяются элементы, присущие представлениям о мире предков. «Располагается он или под землей, или над небосводом, а также за горизонтом, за необъятными водными просторами и неприступной высоты горами. Путь туда идет через воздушное пространство, непроходимый (зачарованный) лес, через пещеры, пропасти, овраги, глубокие расщелины в земле, через непроходимые болота, через моря, озера, реки, как бурные, быстротекущие, так и стоячие и даже огненные» (Там же, с. 20). Многие факты свидетельствуют об амбивалентности противопоставления «верх / низ», «водная / воздушная» преграда при локализации «того света». Также и вещь птица-вестница смерти связывается как с «верхом», так и с «низом»: *По утрьишку по раннему / Налетела птичка вещь, / Птичка вещь подземельная. Она крыльишки расправила, по окошечку ударила...* (и в том же контексте *птица поднебесная*).

А.В. Колмогорова считает, что ««тот свет» – царство Духа, место пребывания Бога, как активного нетварного Света», т. е., по ее мнению, «тот свет» находится на небе, в раю [8, с. 111]. Н.Н. Велецкая выявила, что наряду с представлениями о подземном царстве предков у славян, особенно южных, в воззрениях на «иной мир» существенное место занима-

ет космическая идея (Там же, с. 21). Действительно, с «тем светом» в причитаниях связаны определенные формулы: *...Улетела моя белая лебедушка!... За горушки она за высокие, /за облачка она за ходячи, / К красну солнышку девица во беседаушку, / К светлу месяцу она в приберегушку!... Приубрался, светнадежная головушка, / К красну солнышку на приберегушку, / К светлу месяцу на придрокуюшку!... / За горушки, мой светушко, толкучия, / За облачки, мой свет, да заходячи, / За часты звезды да подвосточныя!... За темныи леса за дремучи, / За высоки горы за толкучи / Ко зари оно дите да ко восточной, ... Вровень с облачками он да со ходячима, / До луны он, наш свет, да подвосточной!* (Здесь и далее выделено нами. – Н.Ш.). Из космических мотивов наиболее отчетливо выражен мотив звезд и месяца. При их анализе раскрывается картина устремления духа умерших в космос, пути его к небосводу, вдоль Млечного Пути, к луне и звездам в «вечный мир» (Там же, с. 22). Комплекс космических символов – небосвод, месяц/луна, солнце, звезды в различных сочетаниях – характернейший мотив изображений на надгробиях. Более древняя форма – стрела, обращенная к небу.

Для славян, как и для многих других народов, характерно представление о влиянии звезд на судьбы. У каждого человека своя звезда. С рождением она появляется на небе, со смертью падает (или к ней уходит дух умершего). Связь представлений о смерти и звездах образно выражена в севернорусской причети: *Как звезда стерялась поднебесная, / Улетела моя белая лебедушка...*

Представления о разграничении «того света» на рай и ад возникли под влиянием христианства, относящего к потустороннему царству награду и кару за прожитую жизнь; там обитают силы, от которых зависит судьба души умершего. Загробный мир, согласно христианству, – подлинный мир, земной мир – временное местопребывание души на пути в истинную ее отчизну. Страхи и надежды из-за ожидания перехода в иной мир неотступно преследовали средневекового человека, и он не мог не составить себе каких-то идей о его устройстве [5, с. 176]. Церковные писатели раннего Средневековья не раз высказывали утверждение о близящемся «конце времен», о завершении «ночи сего мира» и скорейшем наступлении «дня мира грядущего». Оба мира соприкасаются. Лучшее свидетельство тому – святые,

живущие среди людей, но проявляющие через себя высшую волю, силой которой они творят чудеса. Святой непосредственно общается с иным миром, в определенном смысле он уже при жизни принадлежит Царству Небесному [5, с. 187–188]. В многочисленных средневековых описаниях визитов на «тот свет» (в жанре «видений» загробного мира) повторяются одни и те же мотивы: «мост, соединяющий край блаженных с юдолью грешников и переброшенный над потоком, в котором оказываются души, увлекаемые в него своими грехами; книги, где записаны все добрые и злые дела человека; тяжба из-за души между ангелами и нечистой силой; колодец, из которого вырывается адское пламя, сжигающее души закоренелых грешников», и т.д. (Там же, с. 203–204). Граница между этими мирами была для людей Средневековья проницаемой в обоих направлениях, поэтому реальность казалась более емкой, чем в последующую эпоху: она охватывала многие области, лежащие за пределами земного существования (Там же, с. 205). Людей той эпохи занимал вопрос, где находится ад. Одни полагали, что где-то в земных пределах, другие склонялись к мнению, что под землей. Исходя из этимологии слова *infernum*, сам папа Григорий I думал, что ад расположен именно под землей. Распространялись верования, что земной и загробный миры непосредственно сообщаются. «Отплытие в Сицилию» для многих европейцев было синонимом отхода в загробный мир, т. к. жерла сицилийских вулканов вели, по тогдашним (унаследованным от античности) поверьям, прямо в ад. Этну и Везувий на протяжении веков принимали за входы в ад, и людей, умерших недалеко от них, черти якобы увлакивали и бросали в разверстые жерла (Там же, с. 215–216). Чтобы достигнуть ада, нужно было двигаться на север; на север же были устремлены взоры грешников, ожидающих кары. Здесь, как полагает А.Я. Гуревич, речь вновь идет о страхах и надеждах, выраженных в подобных образах. Так, «север» в видениях – не страна света, но концентрация душевного отчаяния, точно так же, как «восток» – воплощение чаяния, спасения. Пространство видений – это прежде всего экстериоризация «душевного пространства» средневекового человека (Там же, с. 217–218). Идея вечности, усваиваемая народным сознанием с большим трудом в силу специфики присущего ему восприятия времени, внедрялась в него прежде всего в образе нескончаемых мук, которым будут под-

вергаться души грешников. Ад был намного реальнее рая [6, с. 317].

В христианской России встречались случаи так называемого «обмирания» – летаргического сна, который понимался как временная смерть, когда душа спящего посещает «тот свет». Широко распространенные рассказы об этом включают мотив о том, как герой получает (чаще во сне) предведомление (с «того света») о предстоящем обмирании. Основная часть рассказа содержит указание на продолжительность сна (в днях), сведения о проводнике, указывающем герою путь в загробном мире (умерший родственник или святой); картины загробного пространства, разделенного на отдельные зоны соответственно рядам покойников; описание мучений грешников за различные весьма конкретные грехи. Часто гостю сообщают дату его настоящей смерти [12, с. 278].

Все анализируемые нами единицы относятся к категории «пространство». Представление о пространстве зависит от уровня развития человеческого сознания. Вся группа анализируемых пространственных ФС делится на две подгруппы по основным концептуальным признакам (КП) «место» или «направление» [4, с. 19]. В нашем исследовании используется материал заговорных текстов и паремий [7].

I. Наиболее частотны фрагменты с концептуальным признаком «место»: *Волосы и ногти хранить было въ обычаѣ у нѣкоторых суевѣровъ, которые думали, что на томъ свѣтѣ придется за каждый волосок отдавать отчетъ* [11]; *Каково житье, таково и на том свете бытъе* [7]; *Каин, Авель, на том свете были? Были! Мертвые тела видели? Видели! Мертвые тела пьют? Гуляют? Нет! Не пьют, не гуляют! Так и раб Божий (имя) чтоб не пил и не гулял* [9]; *«Князь молодой, рог золотой, был ли ты на том свете?» – «Был». – «Видал ли ты мертвых?» – «Видал». – «Болят ли у них зубы?» – «Нет, не болят». Дай Бог, чтобы и у меня раба Божия (имя рек) никогда не болели* [3]. Заговорные фрагменты в основном связаны с любовной и лечебной тематикой. Соединение реального мира и мира воображаемого, духовного необходимо для воспроизведения той обстановки, в которой только и может осуществиться чудесный акт исцеления. Приведенные выше тексты относятся к типу «заговор-диалог», который прямо связан с разыгрыванием воображаемого излечения больного. Обрядовое действие соверша-

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ется двумя лицами, но может исполняться одним и тем же человеком [1, с. 27, 31, 32].

II. Часто встречаются и фрагменты с концептуальным признаком «направление»: *Что душа ушла, то и на тот свет понесла* [7, с. 201]; *На тот свет отовсюду одна дорога* (Там же).

На основании проанализированного материала можно в какой-то степени представить себе, что такое *тот свет*.

1. Все неизбежно рано или поздно туда попадут: *На тот свет отовсюду одна дорога* [7]; *Коли тут житья нет, так жди перевода на тот свет* (Там же, с. 59); *Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не знали* (Там же, с. 196); *Спроси у того покойника, которого на том свете нет* (Там же, с. 619).

2. К нему надо подготовиться, выкупить себе место, т. е. надо заплатить: *Наперед покойника в могилу бросают грош для выкупа места на том свете* (Там же, с. 202); *Полно спать: пора на тот свет запастись* (Там же, с. 216); *Кто обмирал и был на том свете, тому под большим страхом запрещено говорить три слова* (неизвестно, какие) (Там же, с. 693) (об обмирании см. выше).

3. Жизнь там похожа на жизнь здесь: *Что душа ушла, то и на тот свет понесла* (Там же, с. 201); *Каково житьё, таково и на том свете бытьё* (Там же); *В девках засиделась, так на том свете козлов паси* (Там же); *Его невесты на том свете козлов пасут* (Там же, с. 547); *Не криви душой: кривобок на тот свет уйдешь* (Там же, с. 218).

4. Там можно и сразу попасть в ад, где каждый отвечает за свои поступки: *Подъичим и на том свете хорошо: умрет, прямо в дьяволы* (Там же); *Ростовицки на том свете каленые пятаки голыми руками считают* (Там же, с. 37); *Ябедника на том свете за язык вешают* (Там же, с. 112); *Знать, будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать* (Там же, с. 198); *Клеветники на том свете раскаленные сковороды лизжут* (Там же).

5. Там присутствуют те же людские пороки, что и здесь: месть – *...если убьют медведя, то поют пред трупом извинительные песни ради убеждения, что медведь на том свете будет вместе с ними, то, чтобы там не отомстил своему убийце* [11]; возврат долгов переносится в «тот мир»: *Он отдаст – на том свете угольками* (Там же, с. 75); *На том свете уголем отдам* (долг) (Там же) (видимо, углем от дров после сжигания грешников в аду); покойников бранят так же, как и жи-

вых на земле, хотя обычай этого не позволяет: *Чтоб ему на том свете икалось!* (Там же); без веры в Бога там не проживешь: *Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь* (Там же, с. 7). Встречаем также иронические советы о смысле «здорового образа жизни»: *Солоно ешь, масли плешь, кисло пей, через край не лей – и на том свете нас помянешь* (Там же); *Обманывать мертвого грешно: нечистый на тот свет уйдет* (Там же, с. 202).

6. Там нужно отчитаться за все содеянное здесь: *Волосы и ногти хранить было в обычае у некоторых суеверов, которые думали, что на том свете придется за каждый волосок отдавать отчет* [11]; *Смотри, на том свете заплатишься (ответ дашь)* [7, с. 144].

7. Однако там можно получить и утешение за земные страдания: *На том свете каждая щедринка (от оспы) обратится в жемчужину* (Там же).

Итак, для русских «тот свет» представляет собой неопределенное место, доступное каждому. Там существует такая же жизнь, как и на «этом свете», со всеми ее пороками и недостатками. Жизнь там строже, т.к. надо «отчитаться» за все земные прегрешения. Счастья там мало и лишь для тех, кто пострадал на земле. Таким образом, представления о загробном существовании русского человека мало чем отличаются от тех же представлений среднего европейца.

Литература

1. Аникин В. П. Магия и поэзия // Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций. М. : Изд-во МГУ, 1998. С. 5–36.
2. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М. : Наука, 1978.
3. Великорусские заклинания : сб. Л. Н. Майкова. СПб. : Изд-во Евр. Дома, 1994.
4. Воробьевская О.Ф. Семантическая структура ФЕ со стержневым компонентом с в е т // Семантика языковых единиц. М. : МГОПИ, 1993. Ч. 2. С. 18–21.
5. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М. : Искусство, 1981.
6. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. : Искусство, 1990.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : АСТ: Астрель, 2004.
8. Колмогорова А.В. Языковое значение и речевой смысл. Новокузнецк, 2006.
9. Молитвы и заговоры. 3-е изд. Минск : Совр. слово, 2000.
10. Невская Л.Г. Балто-славянские причитания: Реконструкция семантической структуры. М. : Наука, 1993.

11. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. М. : Книга: Принт-шоп, 1989.

12. Толстая С.М. Обмирание // Славянская мифология: энцикл. словарь. М. : Эллис Лак, 1995.

Phrase combinations with the key component 'light / other world' (on the material of Russian folklore texts)

Based on the material of Russian phrase combinations there is analyzed the nomination light / other world, where both pagan and Christian motives are reflected.

Key words: *conceptual analysis, paganism, Christianity, this world, other world, lamentations, paradise, hell.*

Н.И. КОБЫЗЕВА
(Волгоград)

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ДОНСКИХ ГОВОРАХ

Анализируется характеристика умственных способностей человека, отраженная в устойчивых сравнениях в донском казачьем диалекте.

Ключевые слова: *устойчивые сравнения, фразеологические единицы, языковая картина мира, умственные способности, донской казачий диалект.*

К.Д. Ушинский, подчеркивая одухотворенность русского языка, писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка... Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, мы наследуем самые эти мысли и эти чувства» [9, с. 260].

Язык – инструмент познания мира, хранилище индивидуального опыта, восприятия и оценки окружающей действительности. Именно в языке (хотя и не только в нем) находят выражение национальный характер, история и культура народа [6, с. 5]. При исследовании языковой картины мира устойчивые сравнения являются богатейшим материалом, т.к. в них закреплены стереотипы мышления народа, ценности и антиценности, характерные для определенной культурной общности. Так же, как фразеология языка является средством сохранения и передачи опыта познания мира, устойчивые сравнения представляют собой генерализованные высказывания или стереотипы, которые, по словам Ю.Н. Караулова, позволяют выявить «иерархию смыслов и ценностей в <...> картине мира, в <...> тезаурусе» [4, с. 71].

Термин *языковая картина мира* является метафорой, т.к. «в действительности специфические особенности национального языка создают для его носителей не какую-то неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [10, с. 66]. Сама метафора *языковая картина мира*, по мнению В.Н. Телия, говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску. Последняя входит в их содержание в форме различного рода коннотаций, указывающих на языковой источник формирования гносеологического образа, «привязываемая» его тем самым к данному языку [8, с. 179]. Под языковой картиной мира мы понимаем образную модель мира, в которой человек осознает себя частью реальной действительности и все окружающее воспринимает как отражение своего существования.

Познавая окружающую действительность, человек подвергает ее оценке и квалификации в зависимости от собственных предпочтений и предпочтений того языкового коллектива, к которому принадлежит. Отдельные предметы и явления приобретают определенную зна-